

— Неужели во всем мире нет никого, кто мог бы убить Ли Цзяньхуна?

Му Куанда испустил долгий-долгий вздох, а за его спиной в маске находился Чан Люцзюнь.

Напротив Му Куанды стоял великий полководец Чжао Куй. Он сегодня был одет как ученый и занимался каллиграфией в кабинете, а У Ду, располагавшийся рядом с ним, не произносил ни слова.

— Дело не в том, что они не могут его убить, — ответил Чжао Куй, — а в том, что им не позволено его убивать. У Ду, Чан Люцзюнь, Чжэн Янь, а также Безымянный — все они связаны Чжэньшаньхэ. Пока меч находится в руках Ли Цзяньхуна, они не могут поднять против него оружие.

Почерк Чжао Куя был строгим и решительным, каждый штрих ложился на бумагу, словно ливень, окутывающий бесчисленные клинки.

— С тех пор как умер Наянь То, — негромко сказал Чжао Куй, — трудно найти того, кто мог бы соперничать с Ли Цзяньхуном.

— Каким бы сильным он ни был, он всего лишь человек, — рассуждал Му Куанда, — а если он человек, то у него есть слабые места. Если у него есть план на все случаи жизни и он верит, что все идет по его сценарию, значит, в этих планах должны быть какие-то отклонения.

Чжао Куй сказал:

— Возможно, Безымянный — его переменная. Этот человек сначала предал своего учителя, потом уничтожил всю школу — и до сих пор нет объяснений, почему. Я уже вычислил его, основываясь на том, что рассказал мне У Ду. Он из района горного хребта Сянбэй, и когда Ли Цзяньхун подался в бега, он тоже ненадолго задержался там.

Му Куанда поднес к губам чашку с чаем и, сделав один глоток, посмотрел на галерею снаружи.

— Когда дело доходит до него, я оказываюсь на волоске от гибели — могу только передать это в ваши руки, командующий.

— Кроме того, я помню, что есть еще кое-кто, — Чжао Куй отложил кисть, — кто может сразиться с Ли Цзяньхуном.

Чжао Куй повернулся к Му Куанде.

— Но я не в состоянии нанять его, поэтому могу оставить это на ваше усмотрение, канцлер.

Му Куанда выглядел задумчивым, но ничего не говорил.

— Когда мастер Ванбэй был тяжело ранен Наянь То, он передал Дуаньчэньюань Кунмину, — продолжил Чжао Куй. — У мастера Ванбэя был еще один ученик, младший Кунмина, который изучал буддизм, не обривая головы. Позже он предал свою секту и забрал Дуаньчэньюань с собой.

— Ну, мы не можем рассчитывать на У Ду или Чан Люцзюня, — вздохнул Чжао Куй. — Им разрешено убивать под солнцем всех, кроме Ли Цзяньхуна, он — единственное исключение.

— Что касается Безымянного, то он, должно быть, прибыл сюда с важной миссией. Монголы объявили войну Ляо; если все пойдет так, как я думаю, то через несколько месяцев, когда война разразится повсюду, Ли Цзяньхун обязательно проявит себя.

Долгое время Му Куанда молчал, не произнося ни слова.

Монголы продвигались на юг, и их передовой отряд уже захватил Хучан. Население Ляо, от чиновников до простых людей, было охвачено тревогой. Беженцы устремились в Шанцзин, и к пятнадцатому числу шестого месяца у столицы, Шанцзина, собралось уже около тридцати тысяч человек. Ли Цзяньхун вместе с Дуань Лином верхом на лошади ехали по дороге до самых городских ворот.

— Кто там?! — произнес стражник у ворот. — Предъявите ваши документы! Мы должны вас обыскать!

Ли Цзяньхун развернул лошадь и свистнул в сторону городских стен. Цай Вэнь, отвечающий за оборону города, заметил их и послал кого-то вниз, чтобы открыть боковые ворота и впустить их.

— Поблагодари его, — сказал Ли Цзяньхун Дуань Лину. Тот, сидя верхом на лошади, поднял руку к Цай Вэю, а он ответил ему приветствием. Предположительно, он был слишком погружен работой, чтобы прийти и спросить, когда они покинули город и какие у них были дела за его пределами.

Хотя прошло всего несколько дней с тех пор, как они уехали, к моменту возвращения домой Дуань Лину казалось, что прошла целая жизнь. С того момента, как он вышел из дома, чтобы спасти Бату, он невольно вступил на грандиозный, судьбоносный путь — за одну ночь он стал частью императорского клана Южной Чэнь, его отец каким-то образом оказался главным воином границы, ханским богом войны... а теперь, когда ситуация в Южной Чэнь внезапно изменилась, у Ли Цзяньхуна не осталось другого выхода, кроме как уехать далеко от дома, и они оба были вынуждены полагаться только друг на друга.

После столь радикальных перемен в его жизни все, что происходило раньше, стало казаться незнакомым. Тайна Лан Цзюнься, приезд отца — всему этому теперь было объяснение.

В будущем тебе предстоит многое сделать.

Многое из того, что он не понимал раньше, теперь становилось понятным.

В коридоре он сидел под карнизом, безучастно глядя во двор.

— Папа.

— Да, сынок.

С другой стороны Ли Цзяньхун, как и прежде, поливал клумбу Дуань Лина с помощью горшка с водой.

Дуань Лин ничего не говорил. Как только Ли Цзяньхун закончил поливать растения, он набрал еще воды из колодца, поставил вариться рис и разделал рыбу рядом с колодцем, готовя еду для Дуань Лина.

Эта поразительная перемена произошла слишком быстро и внезапно; Дуань Лин не знал, что ему делать. Он посмотрел на спину Ли Цзяньхуна, чувствуя, что человек, которого знали мастер Кунмин, Лан Цзюнься и владелица Калины, был как-то не похож на его отца. Все было сродни сну.

Пока Ли Цзяньхун счищал рыбью чешую, он даже нашел время, чтобы на него оглянуться.

— Голоден? Еда скоро будет готова. Через полчаса.

— Папа, — сказал Дуань Лин, — что я сейчас должен делать?

Ли Цзяньхун некоторое время безучастно на него глядел, а потом начал улыбаться. Он понес рыбу на кухню, а Дуань Лин побежал за ним, наблюдая со спины, как Ли Цзяньхун разогревает масло в сковороде.

— Ты можешь делать все, что хочешь, — непринужденно предложил Ли Цзяньхун, — все эти старые обиды — проблемы твоего отца. Они ни в коем случае не являются твоими оковами.

— Твои проблемы — это мои проблемы. А что должен делать принц?

Ли Цзяньхун заставил Дуань Лина отойти немного назад и встал между ним и сковородой,

чтобы плещущееся масло не забрызгало его. Он опустил рыбу в масло у края посуды, и с легким шипением в воздухе донесся аппетитный аромат.

— У твоего четвертого дяди еще нет наследника, — небрежно бросил Ли Цзяньхун, — даже если он появится, будущий трон Южной Чэнь все равно будет твоим. Ты не принц. Ты — император.

Дуань Лин безмолвно уставился на него.

Лю Цзяньхун постучал тыльной стороной ладони по краю сковороды, и жареная рыба начала вращаться. Затем он щелкнул по ней пальцем, и она перевернулась. Теперь золотистая сторона, шипящая в масле, была обращена вверх.

— Когда ты учишься, ты учишься быть императором, — с улыбкой произнес Ли Цзяньхун. — Это избавит тебя от необходимости бегать, как цыпленок с отрезанной головой, когда ты займешь трон. Помнишь, что сказал великий предок?

— Управлять великой державой... — Дуань Лин уставился на рыбу в сковороде, — все равно, что готовить мелкую рыбу*.

* Из учения Лао-цзы «Дао дэ цзин» (глава 60).

— Именно, — сказал Ли Цзяньхун с убийственной серьезностью. — Похоже, учеба все-таки приносит пользу.

— Но я ничего не умею.

Ли Цзяньхун добавил полполовника воды, бросил зеленый лук, имбирь, чеснок и накрыл крышкой, вытерев руки.

— Если не знаешь, тогда учись. Ваше Величество, берите миску, кушать подано!

Ли Цзяньхун подхватил Дуань Лина под руку и посадил его у главного зала, а тот пошел накрывать на стол.

— Когда у тебя появится свободное время, ты сможешь подумать о том, чем хочешь заниматься, когда станешь императором, — серьезно сказал Ли Цзяньхун Дуань Лину во время ужина.

Тот кивнул, не обращая внимания.

Ли Цзяньхун посоветовал ему:

— Пока все не решено, подумай об этом сам — никому не говори, чтобы не завидовали. Ведь большинство людей не смогут стать императорами.

Дуань Лин разразился хохотом. Конечно, это правда, но она казалась такой далекой. В ту ночь Ли Цзяньхун сидел в коридоре под карнизом, обхватив руками колени, и смотрел на звезды, а Дуань Лин читал, готовясь к предстоящему экзамену. Постепенно он задремал, растянувшись на столе, и Ли Цзяньхун осторожно взял его на руки, занес в дом, и они уснули на одной кровати.

— Ученый должен быть стойким и упорным...

Погода постепенно становилась все жарче, а Дуань Лин читал слова Цзэн-цзы* и не мог удержаться от того, чтобы не взглянуть на Ли Цзяньхуна, который читал книгу рядом с ним.

* Цзэн-цзы был учеником Конфуция.

Ли Цзяньхун спокойно вклинился:

—...ибо обязанности его велики, а путь его долог.

— Ибо обязанности его велики, а путь его долог, — повторил за ним Дуань Лин.

Голова была забита вопросами. Его отец был совсем один, и единственный человек, которому он мог отдавать приказы, — это Лан Цзюнься. Южная Чэнь насчитывала сотни тысяч солдат, а ее территории были огромны. Как он сможет вернуть все это, не имея ничего, кроме своей принадлежности к императорскому роду?

— Папа, — спросил Дуань Лин, — ты знаешь Елюй Даши?

— Знаю. Но он всегда притворяется, что не знает меня.

Дуань Лин вопросительно посмотрел на него.

Ли Цзяньхун усмехнулся:

— Это происходит по той же причине, как, когда один человек бьет другого, тот, кого колотят, всегда старается его избегать.

Дуань Лин некоторое время молча смотрел на него.

— Так он будет преследовать тебя?

За последнее время он много думал и понял, что личность его отца была довольно уязвима. Как только он окажется один, его враги наверняка придут на зов.

— Нет. Раньше мы были врагами, но теперь нет. Елюй Даши — необычайно хитрый человек, и он всегда подбирал паруса по ветру. К тому же он даже не подозревает, что я здесь.

— Тогда что нам делать с югом?

— Я думал об этом в последнее время, — Ли Цзяньхун на мгновение задумался, а потом сказал. — По сути, мне нужно просто одолжить войска, заключить союз, сблизиться с Ляо и оказать сопротивление монголам. Если бы Елюй Даши одолжил мне десять тысяч человек, я бы с легкостью расправился с Чжао Куем.

— Он одолжит тебе войска?

— Вот об этом стоит поговорить, именно об этом я и думал. Как дать ему такую причину, чтобы у него не было другого выбора, кроме как согласиться. В тот день я разговаривал с отцом Бату как раз об этом. Я сказал ему, чтобы он направил свои войска в Юйбигуань, тогда армия Южной Чэнь не сможет добраться сюда, и Шанцзину не останется ничего другого, как попросить подкрепления с юго-западной дороги.

— И, как и в ситуации с Бату, оставить меня здесь в качестве заложника...

— Ни за что.

Выражение лица Ли Цзяньхуна потемнело, а его тон стал мрачным и холодным.

— Ты не должен так говорить. В твоих глазах твой отец именно такой человек?

Дуань Лин только кивнул в знак того, что больше не будет такого говорить, а вскоре украдкой бросил на него взгляд и увидел, что тот выглядел немного рассерженным. Поэтому он подошел к нему и попытался сгладить ситуацию. Ли Цзяньхун повернулся и, одной рукой прижав к себе Дуань Лина, просто сказал:

— Нельзя допустить, чтобы Елюй Даши узнал, кто ты такой.

Дуань Лин хмыкнул в знак согласия, а Ли Цзяньхун добавил:

— Если что-нибудь случится, отец обсудит это с тобой. Ты не должен беспокоиться об этом.

Дуань Лин кивнул и, откинувшись на его колени, читал и готовился к экзаменам, а Ли Цзяньхун пристально смотрел на пожелтевшую старую карту на столе. На ней была изображена огромная территория севера, простирающаяся на юг за Юйбигуань вплоть до реки Хуай, и на карте крупными иероглифами было написано — Ляо.

Несколько дней подряд Ли Цзяньхун размышлял над этим, в то время как день экзаменов Дуань Лина стремительно приближался. Кстати говоря, Дуань Лин, как ни странно, словно повзрослел за одну ночь: его больше не волновали все те вещи, которые он так любил делать раньше, и он больше не кричал о том, что хочет играть. Казалось, что его ожидали более важные в жизни вещи.

Наверное, это судьба, не так ли? Он начал испытывать к отцу новое, сильное чувство — его поклонение превратилось из бесформенной идеи в чувство, что, хотя отец и его, он также нес ответственность за многих других людей, ответственность, от которой нельзя было уклоняться. Возможно, именно это имел в виду глава школы, когда говорил о гуманном правлении. И этот путь гуманного правления принадлежал и Дуань Лину, и его отцу.

Постепенно он начал стараться не беспокоить Ли Цзяньхуна, изо всех сил пытаясь не прерывать его, когда Ли Цзяньхун надолго погружался в раздумья. Наступило лето, и пение цикад было постоянным явлением; летние дни в Шанцзине были сухими и прохладными, с легким ароматом свежести.

Сегодня Дуань Лин проходил по коридору со свертком на плече и, повернувшись к гостиной, где Ли Цзяньхун пил чай, сказал:

— Папа, я иду на вступительный экзамен.

Ли Цзяньхун наблюдал за ним из гостиной, и его взгляд был удивительно сложен, но наполнен теплом.

— Ты вырос, — сказал Ли Цзяньхун.

Стоя в ярко освещенном дворе, Дуань Лин купался в лучах летнего солнца. Он должен был бы радоваться, но не зная, почему, когда услышал от отца такие слова, ему стало немного грустно.

— Но папе очень нравится, какой ты сейчас.

Ли Цзяньхун с улыбкой поднялся.

— Пойдем.

Дуань Лин не собирался позволять ему тратить на него силы, но Ли Цзяньхун никогда не забывал об этом. Все вещи уже были собраны и ожидали его. Ли Цзяньхун отставил чашку и

взял в руки сверток, чтобы вместе с Дуань Лином отправиться в Академию Биюн на экзамен.

Тот впервые сдавал экзамен и, конечно, немного нервничал, но Ли Цзяньхун сказал ему:

— Не волнуйся. Если не пройдешь, то отцу достаточно только потратить немного денег, чтобы ты поступил.

Дуань Лин захихикал, и нервозность немного отступила. Академия Биюн была уже переполнена студентами, которые пришли сдавать экзамен и шумно переговаривались между собой. Ли Цзяньхун нашел свободное место, заставил его сесть, а затем тихо сказал:

— Папа будет ждать тебя на том дереве снаружи.

Прошло несколько секунд молчания, прежде чем Дуань Лин произнес:

— Тебе пора домой.

Он чувствовал себя довольно неловко, хотя внутри Академии Биюн было достаточно многолюдно и никто не обратил бы на них внимания.

Ли Цзяньхун накрыл ему стол с бумагой и кистью.

— У тебя еще будет возможность поучаствовать во многих великих событиях. Пиши все, что тебе хочется. Не нужно доказывать свою правоту на этом листе бумаги. Папа верит в тебя. Не относись к этому чересчур серьезно.

Дуань Лин внезапно понял, что имел в виду Ли Цзяньхун, и кивнул ему в ответ. Овладение литературным и боевым мастерством — дело на благо императорской семьи, а раз он ее член, то о чем ему беспокоиться? Вероятно, Ли Цзяньхун имел в виду, что ему не стоило прилагать слишком много усилий, чтобы не выделяться и не привлекать к себе излишнего внимания.

Он показал Дуань Лину большой палец вверх, а затем повернулся и вышел на улицу.

Все студенты собрались во внутреннем дворе, чтобы сдать экзамен. В Академии Биюн царила торжественная атмосфера, полярно противоположная непрекращающемуся грохоту, наполнявшему обычно Прославленный Зал, как будто, переступив этот порог, все подсознательно становились более спокойными и теряли желание буяннить.

Во внутреннем дворе распускались цветы, и на фоне аквамаринового небосвода этот вид был похож на потрясающе красивый рисованный свиток. Учитель раздал экзаменационные листы. Вступительные экзамены длились всего одно утро, и вначале Дуань Лин бросил мимолетный взгляд на деревья снаружи, прикидывая, на каком дереве сидел Ли Цзяньхун, наблюдая за

ним, но, осмотрев все вокруг и не заметив никаких его следов, сосредоточился на ответах на вопросы.

Спустя два часа он закончил отвечать почти на половину из них, потер руки и снова поднял взгляд. Ли Цзяньхун сидел на ближайшем к нему дереве за стеной, облокотившись на ветку, и с легкомысленным видом, небрежно покачивая одной ногой взад-вперед, ел шпажку с засахаренными фруктами.

Дуань Лин молча смотрел на него, и тот показал ему вторую шпажку, давая понять, что он купил одну и для него — теперь сосредоточься на экзамене.

Дуань Лин едва не засмеялся. Внезапно он понял, что Ли Цзяньхун, скорее всего, только что пришел, и задался вопросом, куда он ходил. Неужели он уже два часа лазил по деревьям?

Четыре часа спустя, под палящим солнцем.

— Сдавайте ваши работы, — произнес экзаменатор.

Как в кастрюле с водой, доведенной до кипения, все экзаменуемые начали разом лепетать. Экзаменатор кашлянул, и все снова замолкли. Тогда испытуемые встали, поприветствовали экзаменатора, а затем все вместе сказали: «Спасибо, господин экзаменатор», и, выстроившись по порядку, ушли.

Как только Дуань Лин оказался на улице, он побежал к дереву на другой стороне двора, но когда поднял голову, отца нигде не было. Пока он стоял и гадал, что происходит, оглядываясь по сторонам, ему на плечо бросился Ли Цзяньхун. Он громко засмеялся, и Ли Цзяньхун отвел его домой.

— Пойдем, искупаемся. Я собираюсь сводить тебя сегодня в одно веселое место.

Дуань Лин напомнил ему:

— Завтра объявят результаты!

— Ну и ладно, мы пойдем домой спать.

Когда они вернулись домой после обеда и купания, Ли Цзяньхун использовал слишком ранний подъем как повод уложить Дуань Лина вздремнуть после приема пищи. Когда он проснулся, уже наступил закат, и Ли Цзяньхун принес ему новую одежду.

Дуань Лин с любопытством разглядывал ее. Новая одежда была сшита из черной шелковой парчи высшего качества, на которой был вышит узор в виде белого тигра. И туфли, и пояс тоже

были новыми.

— Где ты это достал?

— Она была готова уже давно. Я пошел и забрал их сегодня, как раз когда ты сдавал экзамен.

— Что ты имеешь в виду?

Дуань Лин закончил переодеваться в новое платье и почти не узнал себя, когда посмотрел в зеркало. Новое одеяние было явно сшито по меркам его старых вещей. Это было великолепное платье из черной парчи, а рисунок белого тигра из серебряных нитей был очень реалистичен.

— Что это за наряд?

— Это одежда принца. Одевание императора — это одеание дракона, а одеание принца — символ Белого Тигра Запада*. Белый Тигр — бог военного дела, он олицетворяет контроль над армией и является хранителем государства. Поэтому военный знак также называют тигровым знаком.

* Двадцать восемь особняков (二十八宿) являются частью китайской системы созвездий. Их можно рассматривать как эквивалент зодиакальных созвездий в западной астрономии, хотя Двадцать восемь особняков отражают движение Луны в течение сидерического месяца, а не Солнца в течение тропического года.

Ли Цзяньхун переоделся в длинный халат, почти копию халата Дуань Лина, и тот засиял улыбкой, увидев в зеркале образ своего отца.

— Ну, как? — рассеянно спросил Ли Цзяньхун.

— Очень... очень...

Дуань Лин нашел его почти неузнаваемым.

С того дня, как они воссоединились, Ли Цзяньхун одевался в обычные ткани, волосы просто завязывал назад и не уделял много времени своей внешности. Теперь же он был одет в платье принца, и даже когда просто стоял молча, от него исходила внушительная аура, уверенная и грациозная, а главное, в нем чувствовалось достоинство, как у правителя, осматривающего свои земли.

— Куда мы пойдем в такой одежде?

— Туда, куда тебе совсем не хочется идти, — сказал Ли Цзяньхун, — в Калиновый двор.

Лицо Дуань Лина дернулось, его выражение ясно говорило: «Не могу поверить, что мы так формально одеты, чтобы пойти в бордель». По сравнению с прошлым годом, Дуань Лин был гораздо больше наслышан о вещах, о которых ему не следовало знать.

— Я знал, что ты скорчишь такую рожу.

Ли Цзяньхун, казалось, обрадовался.

— Мы идем на встречу со старым другом, а не для того, чтобы заниматься чем-то еще.

Дуань Лин посмотрел довольно скептически.

— Правда?

— Можешь внимательно следить за мной все это время. Если что-то из того, что я скажу, выведет тебя из себя, можешь прийти и в любой момент надеть на меня оковы, — с улыбкой сказал ему Ли Цзяньхун.

— Ты сам это сказал.

Дуань Лин посмотрел на Ли Цзяньхуна, не в силах отвести взгляд: его отец был действительно слишком красив.

— Но мы не можем уйти просто так.

Ли Цзяньхун взял со стола две маски и приложил одну к лицу Дуань Лина, проверяя, правильно ли она надета.

Тот с любопытством потрогал ее: маска была сделана из кожи и надевалась выше висков, закрывая больше половины лица, обнажая высокую переносицу Ли Цзяньхуна и его мягкие губы, что придавало его лицу завораживающе загадочную привлекательность.

Дуань Лин закрепил маску, а Ли Цзяньхун заставил его достать нефритовую дугу и привязать ее к застежке украшения на поясе. Затем он вручил Дуань Лину его собственную нефритовую дугу с предложением в глазах.

Дуань Лин прикрепил вторую нефритовую дугу к поясу отца.

— Пойдем.

Ли Цзяньхун взял его за руку, и они ушли в сумерках.

На улице их ждала карета. Возница открыл занавеску и впустил их внутрь.

— Кто-нибудь видел, что эта карета приехала сюда? — оказавшись внутри, Ли Цзяньхун спросил.

— Пожалуйста, не беспокойтесь, господин, — ответил возница.

Карета ехала не по обычному маршруту, а кругами по переулкам, проехала две главные улицы, затем снова свернула в переулок, въехала в западную часть города, где были расположены резиденции многих чиновников, затем снова свернула на главную дорогу и неспешно направилась к Калиновому двору, останавливаясь у ее задней двери.

Летние ночи были знойны и гнетущи, а сегодня небо было затянуто темными тучами, и луны совсем не было видно. Напряжение на фронте, словно пелена, накладывало на весь город необычайно спокойную атмосферу. Сквозь стены Калинового двора не просачивался смех, и лишь разноцветные фонари безмолвно висели на стенах.

— Приветствую вас, Ваше Высочество!

Держа Дуань Лина за руку, Ли Цзяньхун вышел через задний двор в крытый коридор. Дин Чжи несла фонарь, наклонившись, чтобы аккуратно показывать им дорогу. Когда Дуань Лин и Ли Цзяньхун проходили мимо, слуги, стоящие по обе стороны коридора, падали ниц.

— Приветствую вас, Ваше Высочество.

— Приветствую вас, Ваше Высочество.

Дуань Лин молчал.

Ли Цзяньхун даже не кивнул им. Он спросил Дуань Лина:

— Ты голоден?

Тот сразу же покачал головой, и Ли Цзяньхун сказал:

— Ты, наверное, проголодался. Как только мы сядем за стол, съешь что-нибудь.

— Приветствую вас, Ваше Высочество.

Великолепно одетые пять оставшихся дам Калинового двора одна за другой вышли из зала, чтобы преклонить колена перед Ли Цзяньхуном. В центре была владелица Калинового двора, одетая в церемониальное платье, похожее на огненную Луань*, и, увидев вошедшего Ли Цзяньхуна, она расправила рукава и сделала шаг вперед.

* Луань — мифическая птица, похожая на длинноногого летающего красного павлина.

— Приветствую вас, Ваше Высочество. И я приветствую Ваше юное Высочество, — торжественным тоном сказала им госпожа.

— Можете обойтись без формальностей, — только и произнес весьма учтиво Ли Цзяньхун.

Шесть женщин отошли в сторону. Ли Цзяньхун пропустил Дуань Лина вперед и усадил его во главе стола, а сам занял место сбоку от него. Сюй Лань внесла поднос с чаем, Цю Цзинь предложила чай госпоже, та взяла его и поставила рядом с рукой Ли Цзяньхуна. Он сначала сделал глоток, а затем небрежно передал его Дуань Лину. Только после этого госпожа подала чай ему.

— Сюн Чунь, — произнес Ли Цзяньхун.

— К вашим услугам, — ответила девушка.

Дуань Лину казалось, что он уже где-то слышал это имя, но никак не мог его вспомнить. Но вскоре его внимание привлекло что-то, сказанное Ли Цзяньхуном.

— Это ты позвала его сюда? — спросил Ли Цзяньхун.

— Его пригласила Цю Цзинь.

Сюн Чунь опустила голову, ее взгляд все это время был устремлен в пол. Она спокойно ответила:

— По всей вероятности, он будет здесь сегодня вечером.

— Кто еще находится в этом дворе? — спросил Ли Цзяньхун.

— Некто Цай Янь вместе с другими детьми из Южной администрации располагаются в боковом крыле, слушают музыку и пьют вино. Мои люди за ними присматривают, так что они не должны помешать.

— Принесите еды, — закончил Ли Цзяньхун. — Его Высочество голоден.

Сюн Чунь и шесть женщин поклонились и вышли из комнаты.

Дуань Лин чувствовал себя немного неловко, но только потому, что все было слишком формально. Ли Цзяньхун тоже ничего не говорил, и некоторое время они просто сидели, предаваясь размышлениям. В зале пахло сандаловым деревом, и дым благовоний веял вверх и в стороны.

Прошло неопределенное время. Среди этой тишины Ли Цзяньхун вдруг заговорил.

— Когда-нибудь, если меня не будет рядом, ты будешь скучать по мне?

Дуань Лин повернулся и посмотрел на него, не понимая, что тот имел в виду. Ли Цзяньхун тоже посмотрел на Дуань Лина, словно в транс.

— Я буду скучать по тебе. Ты уезжаешь? Когда?

В последнее время у Дуань Лина возникло сильное предчувствие — одновременно и предчувствие, и осознание, — если Ли Цзяньхун собирался силой вернуть юг, то он точно не сможет взять его с собой в поход, когда отправится на войну, и тогда у него несомненно не будет на него времени.

Уголок губ Ли Цзяньхуна слегка искривился.

— Ну, это не совсем так. Но когда ты поступишь в Академию Биюн, тебе придется там жить. Ты сможешь ездить домой только время от времени. Я не вынесу разлуки с тобой.

Ли Цзяньхун протянул руку и, взявшись за край маски Дуань Лина, медленно сдвинул ее на макушку и пристально посмотрел ему в лицо. Дуань Лин тоже протянул руку и убрал маску отца на лоб. Он тоже постоянно думал об этом: если он пойдет в школу, ему придется жить в Академии Биюн, и он часто думал о том, как бы ему не хотелось, чтобы они были в разлуке.

Ли Цзяньхун провел рукой по его щеке.

— Если я буду смотреть на тебя как можно чаще, пока у меня есть такая возможность, то, когда я буду сражаться и лежать в палатке, ты всегда будешь у меня на уме.

Дуань Лин ничего не сказал, но глаза его покраснели: завтра утром в Академии Биюн объявят результаты экзамена, и если он сдал, то уже после обеда ему придется переезжать. Академия Биюн более строга к своим студентам, чем Прославленный зал, и у него будет выходной только раз в месяц. Отец был рядом с ним всего несколько месяцев, но эти несколько месяцев стерли все страдания, которые он когда-либо пережил, все слезы, которые он пролил, как будто ради настоящего момента все это стоило того.

Где-то за окном кто-то заиграл на флейте. Звук был нежным и мелодичным, словно лепестки цветов, трепещущие на ветру у горизонта в эту тихую ночь.

— Я уже слышал эту мелодию, — удивился Дуань Лин.

Это именно та музыка, которую он слышал у Прославленного зала, но на этот раз она звучала гораздо мягче и нежнее.

— Радость встречи, — пробормотал Ли Цзяньхун, глядя в яркие глаза Дуань Лина, — лесные цветы уже увяли, весенние краски слишком скоро сошли.... Слова были написаны последним императором Южной Тан после падения империи. Скоротечность жизни зачастую вынуждает нас предаваться сожалениям.

В объятиях Ли Цзяньхуна Дуань Лин прислонился к нему; он догадывался, что сегодня был не обычный вечер, и тот привел его сюда не только для того, чтобы есть, пить и веселиться. Судя по тому, о чем он говорил с Сюн Чунь, у них была еще назначена встреча.

Ли Цзяньхун погладил Дуань Лина по голове и наклонился, чтобы вдохнуть чистый аромат его волос. Снаружи закончилась музыка флейты, кто-то тихо сказал «госпожа», а затем послышался звук шагов.

— Ваше Высочество, — это был голос Сюн Чунь.

— Входите, — сказал Ли Цзяньхун.

Дверь в зал открылась, и Дин Чжи внесла поднос с угощениями, накрывая на стол. Это была та же самая еда, которую Дин Чжи готовила для него в первый день приезда Дуань Лина в Шанцзин, но на этот раз она еще более изысканна.

— Он здесь, — произнесла Сюн Чунь.

— Приведите его сюда через некоторое время, — ответил ей Ли Цзяньхун.

Сюн Чунь поклонилась, и Ли Цзяньхун снова заговорил, когда она уже собиралась уходить.

— Среди Собрании восьми бессмертных есть Лан, Шао, Цзинь, Чжи, Мо, Чжи, Тан и Хуан. Почему же я вижу только шестерых из них?

— Ваше Высочество, — ответила Сюн Чунь, — Цинь Тан и Су Хуан умерли.

Выражение лица Ли Цзяньхуна слегка изменилось.

— Когда? Где?

— В день, когда Ляо ворвались в столицу. Семнадцатое число следующего месяца — годовщина их смерти.

Ли Цзяньхун слегка кивнул.

— Это ты играла на флейте?

— Я.

Сюн Чунь опустила глаза, и Ли Цзяньхун ничего не произнес. Прошло немало времени, прежде чем она тихо вышла из комнаты.

Дуань Лин наелся до отвала, поэтому Ли Цзяньхун помог ему снова надеть маску и усадил за ширму. Вскоре снаружи послышались шаги.

— Ваше Высочество! — это был женский голос.

— Я не должен быть здесь сегодня, — снаружи донесся голос Елюй Даши.

— Раз вы выбираете такое время для выпивки, госпожа, возможно, вы хотите обсудить со мной нечто крайне важное?

Услышав голос Елюй Даши, Дуань Лин напрягся и высунул голову из-за ширмы, чтобы посмотреть. Но Ли Цзяньхун слегка улыбнулся, положил руку на его голову и затолкнул обратно за ширму. Он повернулся к Дуань Лину и приложил палец к его рту в знак «Ш-ш-ш».

Во внешней комнате.

Мягкий голос Сюн Чунь ответил:

— Как такой человек, как я, может обсуждать государственные дела? Честно говоря, я пригласила Ваше Высочество сюда только потому, что здесь гость, который хотел бы встретиться с Вами.

— О? — Елюй Даши лишь издал любопытный возглас. Его фигура отбрасывала высокую тень на оконную бумагу. — Кто бы это мог быть?

— Он внутри. Ваше Высочество узнает, как только увидит его.

Елюй Даши был очень недоверчив; Сюн Чунь сама вышла вперед и открыла ему дверь, но внутрь не зашла. Он стоял во дворе с налитыми вином щеками и смотрел в дверной проем полупьяными глазами.

Ли Цзяньхун откинулся на низкой кушетке перед ширмой, одной ногой ступая на чайный столик и локтем опираясь на приподнятое колено, его лицо было скрыто. Он даже не удосужился бросить на Елюй Даши мимолетный взгляд. Отпив глоток чая, он холодно бросил:

— Давно не виделись, Елюй-сюн.

Елюй Даши сначала не узнал его, но как только услышал этот голос, сразу же протрезвел. Он сделал шаг назад и закричал:

— Охрана!

Выбежали несколько телохранителей, выстраивая вокруг Елюй Даши оборонительный периметр, но Ли Цзяньхун просто опустил чашку с чаем и произнес:

— У меня сейчас положение хуже, чем у бродячей собаки. Чего ты так нервничаешь, Елюй-сюн?

Мгновенно потеряв самообладание, Елюй Даши не обратил внимания на Сюн Чунь, пока снова не пришел в себя и не понял, что Ли Цзяньхун — единственный человек в зале.

— Ваш... ваш Калиновый двор, и в самом деле...

— Я не знаю этого гостя, — ответила Сюн Чунь, — но с тех пор, как он пришел, его невозможно выпроводить, и он готов уйти, только если сначала увидит Ваше Высочество. Пожалуйста, не сомневайтесь в нас.

— Заходи и выпьем. Дружба это или вражда, но то, что тридцать лет назад лежало к востоку от реки, теперь находится на западном берегу — все меняется. Так стоит ли сейчас размышлять об этом?

Елюй Даши разразился презрительным смехом, но остался при своем мнении и зашел внутрь. Сюн Чунь быстро закрыла за ним дверь. Телохранители хотели последовать за ним, но она подняла перед ними руку, отмахиваясь в знак того, что им не следует вмешиваться.

— Подождите снаружи, — сказал Елюй Даши. — Без моего прямого приказа никому не разрешается входить.

Сычуань.

— Иногда я ловлю себя на мысли...

Была темная ночь, мелкий дождь стучал по мостовой, а в глубине переулка стоял Лан Цзюнься.

Он уже был загнан в тупик, тяжело дышал, а солдаты окружили его, перекрывая выход из переулка. Плащ Чжао Куя развевался за его спиной, когда он шагал сквозь потоки дождя к Лан Цзюнься, а под его ногами разбрызгивались лужи. Лан Цзюнься стоял посреди переулка, прислонившись спиной к стене: половина руки, на которой отсутствовал палец, уже стала темно-серой, кисть распухла, а кожа поблескивала.

— Что же такого сделал Ли Цзяньхун, что ты так ему предан?

Чжао Куй победоносно стоял, сцепив руки за спиной, и свет факела освещал лицо Лан Цзюнься.

— Человек нуждается в пристанище, — спокойно ответил Лан Цзюнься. — Если не ты, то он, я же гость, здесь или там — какая разница?

Арбалеты были разбросаны по всему переулку: в окрестных жилых домах, на черепичных крышах, за спиной Лан Цзюнься. Чтобы поймать его, Чжао Куй мобилизовал в Сычуани около тысячи человек, установив, как говорится, «сети на небе и силки на земле», не оставив ему ни единого шанса на спасение.

— Дни Ли Цзяньхуна сочтены. Оставь тьму позади и выйди в свет. Ты настоящий мужчина, я тебя уважаю. Больше нет смысла что-то объяснять.

Лан Цзюнься глубоко вздохнул, закрыв глаза, и медленно выпустил воздух.

— Я думал, что с такими способностями Чан Люцзюня он не стал бы использовать яд, — тихо произнес Лан Цзюнься.

Чжао Куй повернулся, чтобы уйти, его подчиненные вышли вперед и, поддерживая Лан Цзюнься под руки, покинули переулок.

Шанцзин.

— Выпей, — небрежно бросил Ли Цзяньхун, — прости, что не могу показать свое настоящее лицо.

Он взял кувшин и налил для них двоих вино, причем в знак уважения выпил первым.

Но Елюй Даши не испил вино из своей чаши, а стучал костяшками пальцев по столу.

Ли Цзяньхун сказал:

— Мой сын — тот, кто сидит за ширмой.

Елюй Даши продолжил смотреть на нее. Дуань Лин не знал, выходить ему или нет. В конце концов его тень сделала Елюй Даши легкий поклон.

Только после этого Елюй Даши выпил чашу вина и, закончив, поставил ее обратно на стол вверх дном*.

* Это универсальный жест, означающий «я больше не буду пить». Также довольно грубый.

— Говорят, среди ханьцев ты самый отважный, — Елюй Даши был уже навеселе, до того как пришел в Калину, а теперь вино прилило к его щекам, и он пробормотал. — Для чего ты приехал в Шанцзин в такое время?

— Мир, может быть, и велик, — непринужденно ответил Ли Цзяньхун, — но, имея дом, в который я не могу вернуться, и не желая брататься с монголами, я могу лишь обосноваться в Шанцзине.

— Обосноваться?

Елюй Даши был недоверчив — этот его заклятый враг каким-то образом умудрился проникнуть на его территорию, не издав при этом ни единого шороха. Несмотря на это, он спросил:

— Где, где ты живешь?

Елюй Даши сузил глаза, оглядывая Ли Цзяньхуна с ног до головы, и ему вдруг вспомнился тот убийца из прошлого.

— Тогда, в Прославленном зале! — пораженно воскликнул Елюй Даши.

— Верно. Один из них был моим подчиненным, а второй — убийцей Чжао Куя, посланным убить моего сына.

Елюй Даши встал и сделал несколько шагов по комнате, но Ли Цзяньхун остался невозмутимым. Он перевернул чашку на столе правой стороной вверх.

— Может, еще выпьем?

Елюй Даши развернулся к нему лицом и холодно спросил:

— Чего именно ты хочешь добиться?

— Ты же знаешь, как обстоят дела в Южной Чэнь. Чжао Куй лишил меня военной власти, мой отец издал указ о моем возвращении в Сычуань, чтобы осудить меня. Иногда все является именно тем, чем кажется. Вот, выпей.

Елюй Даши был настроен скептически. Он долго выдыхал, прежде чем сказать:

— Тебе лучше уйти. В Шанцзине для тебя нет места.

— Тогда прикажи своим людям войти, связать меня и сопроводить обратно в Сычуань, — небрежно бросил Ли Цзяньхун.

— Я и арестовать тебя не могу, — Елюй Даши немного подумал и согласился с этой горькой истиной. — Ты можешь приходить в Шанцзин и уходить из него, когда тебе заблагорассудится, будто стен и стражи не существует. Что еще тебе нужно?

— Я пришел, чтобы спасти тебя, — бесстрастно ответил Ли Цзяньхун бесстрастно. — Только потому, что твоя смерть близка.

Елюй Даши вдруг резко развернулся и устремил взгляд на него.

— Монголы двинулись на юг и уже захватили Хучан. Сейчас в горах идет переформирование, и они быстро проложат себе путь к воротам Шанцзина. Шулюй Цзинь охраняет северную дорогу, Ван Пин — южную. Ни один из двух ваших великих генералов не сможет сдержать железную кавалерию семьи Борджигин. Теперь, когда Джучи сбежал, он обязательно отомстит вам.

Вопреки ожиданиям, Елюй Даши засмеялся.

— Ли Цзяньхун, ты как всегда любишь преувеличивать.

— Хань Вэйюн давно ждал этого момента, — бесстрастно произнес Ли Цзяньхун. — Если я правильно догадываюсь, то его сын, скорее всего, уехал в Чжунцзин под предлогом учебы в академии.

Елюй Даши замолчал.

— Если я прав, то после того, как монгольская армия прорвется по южной и северной дорогам и казнит всех в городах, подкрепление, которого ты так ждал, скорее всего, не придет.

Ли Цзяньхун еще раз поднял ладонь, показывая жестом, чтобы тот выпил.

— Мое терпение ограничено. Елюй-сюн, эта чаша вина... выпьешь ты ее или нет?

После долгого молчания Елюй Даши медленно сел.

— Я возглавляю Северную администрацию уже двадцать два года. Тогда я дал совет бывшему императору: где бы вы, ханьцы, ни ступили, вы будете сговариваться друг с другом, и у нас не будет ни дня покоя.

Елюй Даши закончил говорить, выверяя каждое слово, закрыл глаза и опрокинул в себя чашу вина, которую налил ему Ли Цзяньхун.

— Дорога к югу от Юйбигуань охраняется Джучи. Похоже, мне не придется изводить тебя вопросами о том, что из этого выйдет. Выпей эту третью чашу вина и завтра одолжи мне десять тысяч конницы. Я утихомирю монгольскую армию, а затем продолжу двигаться на юг и верну Сычуань.

Ли Цзяньхун наполнил чашу вином, поднял ее тремя пальцами и поставил прямо перед Елюй Даши.

— Как и прежде, я буду пить за тебя первым — до дна.

Ли Цзяньхун даже не взглянул на Елюй Даши, сделав небрежный жест ладонью вверх. — Елюй-сюн, прошу.

Тот не выпил вино, а сел на другом конце кушетки, положив локоть на стол между ними. Наклонившись чуть ближе, он пристально посмотрел на Ли Цзяньхуна.

— Ты знаешь, почему Чжао Куй хочет тебя убить?

— Я не ненавижу Чжао Куя. Это правда. Мы с ним не враждуем друг с другом. У каждого из нас свой путь, и это не более чем честный поединок. Хотя, разумеется, если он хочет предать Ли, то это уже совсем другая история.

Снаружи внезапно раздался шум. Выражение лица Елюй Даши слегка потемнело, а Ли Цзяньхун перевел взгляд за дверь.

— Вы не можете войти внутрь, — это был голос Сюн Чунь.

— Его Высочество встречается с гостем.

— Ваше Высочество, — произнес Цай Вэнь, задыхаясь, — пожалуйста, вернитесь в Северную администрацию, прибыли гонцы с северной и южной дорог!

Выражение лица Елюй Даши сразу же приобрело нотки паники, но Ли Цзяньхун больше ничего не сказал.

Цай Вэнь закончил свой доклад и собрался уходить.

— Приведите лошадь Его Высочества, — тихо произнес снаружи голос Сюн Чунь.

Она открыла дверь зала, и Елюй Даши без предупреждения встал.

— Сколько времени прошло с тех пор, как мы в последний раз встречались на поле боя?

— Пять лет.

Елюй Даши с мрачным выражением лица ушел большими шагами. В конце концов, он так и не выпил последнюю чашу вина.

— Прощай. Береги себя, я не буду тебя провожать.

Услышав это, Елюй Даши внезапно остановился, а затем развернулся и направился к Ли Цзяньхуну. Тот уже поднялся и, быстро разгладив складки халата, сцепил руки за спиной, наблюдая за Елюй Даши.

Он вновь остановился и повернулся, чтобы уйти, но, дойдя до порога, снова отступил, и Ли Цзяньхун, наблюдая за ним, начал смеяться. Дуань Лин с любопытством высунул голову из-за ширмы, чтобы оценить Елюй Даши, но Ли Цзяньхун снова оттолкнул его.

— В последние дни ты и твой сын оба были в Шанцзине.

— Именно так, — искренне сказал ему Ли Цзяньхун. — Но я точно не передам его в твои руки. Тебе достаточно знать, что он в городе. Не делай тщетных попыток испытать пределы моего терпения, Елюй-сюн*.

* В этом переводе используется стандартная система обозначений пиньинь. В стандартной системе обозначений имя, суффикс и префикс объединяются в один блок, за исключением случаев, когда речь идет о произношении. «Сюн» здесь означает буквально «старший брат» и является простым уважительным суффиксом для старшего мужчины.

Елюй Даши некоторое время пристально рассматривал Ли Цзяньхуна, а затем подошел к

столу, взял чашу с вином, опрокинул ее в себя и бросил на пол, не обращая внимания на то, куда она упал. Ли Цзяньхун протянул руку ладонью вверх и проводил его к выходу из комнаты.

Только тогда Дуань Лин вылез из-за ширмы.

— Ты все понял? — спросил Ли Цзяньхун.

— Не совсем, — покачал головой Дуань Лин.

— Наелся?

Дуань Лин кивнул.

И Ли Цзяньхун сказал:

— Пойдем домой.

В эту ночь Ли Цзяньхун, казалось, никак не мог заснуть, он просто держал Дуань Лина в объятиях и говорил с ним без умолку. Дуань Лин кое-что понимал: три государства — Ляо, Чэнь и Юань — сдерживали и уравнивали друг друга. Когда одна сторона становилась слишком могущественной, две другие негласно объединялись, чтобы контролировать более сильную. Битва при реке Хуай была именно такой: Ляо и Чэнь воевали, а монголы стояли в стороне и поддерживали равновесие. А когда Ляо процветала, Хань заимствовали силы монголов, чтобы измотать ее армию.

Теперь же, после возвращения монголов, отношение Чэнь стало решающим. Унижение Шанцзы еще не было забыто; зная Чжао Куя, он, скорее всего, позволит Юань и Ляо нанести друг другу серьезные увечья, и даже весьма вероятно, что он предпочтет, чтобы Юань заключила союз с Южной Чэнь. Если Южная Чэнь и монголы заключат союз, Ляо будет сильно ослаблена. Елюй Даши грозила война, которую практически невозможно было выиграть, и вся вина за это ляжет на него.

Дуань Лин помнил, что последнее, что он сказал перед тем, как заснуть, было:

— А что, если ты откажешься от договоренности?

— Если бы я был тем, кто отказывается от договора, Сюн Чунь не стояла бы на улице и не играла бы эту песню.

К тому времени Дуань Лин уже уснул. Ему еще предстоит узнать, что только ханьцы знают эту песню, и когда она звучит, мелодия становится душераздирающей и сладкой, проникая в душу, словно передавая слова: не забывай унижения в Шанцзы.

Сычуань.

— Я не ненавижу Ли Цзяньхуна, — ответил Чжао Куй. — Совсем наоборот. Я его очень уважаю. Великая Чэнь пережила четыреста лет, прежде чем ей удалось породить человека, который бы, как Ли Цзяньхун, на поле боя владел тактикой не хуже бога.

На руке Лан Цзюнься появилось несколько порезов, из которых лилась струйка отравленной крови, а Чжао Куй и У Ду стояли в стороне и наблюдали за ним. С тех пор как его привезли в поместье генерала, Лан Цзюнься оставался таким же молчаливым, как и раньше, и У Ду наблюдал за ним с презрением, слегка нахмутив брови, как будто смотрел на испытателя лекарств*.

* Испытатель лекарств — это либо человек, которого с рождения поили травами и ядами, и его кровь была ядом, либо его использовали для испытания новых ядов и лекарств. Это предположение, поскольку нет никаких реальных доказательств того, что они когда-либо существовали.

— Снимите с него ножные оковы, — приказал Чжао Куй.

Один из его людей сделал шаг вперед и снял с ног Лан Цзюнься кандалы.

Чжао Куй сел и сделал глоток чая.

— Ты знаешь, почему я хочу убить Ли Цзяньхуна?

Лан Цзюнься молчал, как и прежде.

— Семнадцатый год Цинъюань*, центральная равнина и Сычжоу набрали двести семьдесят тысяч солдат, заплатили четыреста четырнадцать тысяч таэлей налогов.

* Цинъюань — название эпохи нынешнего императора, например, первый год Цинъюань начался бы весной следующего года после вступления на престол нынешнего императора (отца Ли Цзяньхуна).

— Девятнадцатый год Цинъюань, Сычжоу собрал триста тридцать тысяч войск, заплатил триста шестьдесят таэлей налогов.

— Двадцать седьмой год Цинъюань, войск триста шестьдесят тысяч, налогов сто девяносто тысяч. Из них больше всего набралось людей из Цзянчжоу, на втором месте Ичжоу, на третьем Янчжоу, Цзяочжоу.

— С каждым годом мы набираем все больше и больше войск, но с каждым годом собираем все

меньше и меньше налогов. За последние десять лет на север было отправлено около миллиона человек. Они сражались год за годом на лютом морозе; многие из них едва дожили до шестнадцати лет и погибли под Юйбигуань, так и не взглянув на свою родину.

Лан Цзюнься посмотрел на таз, наполненный окровавленной водой, и в его отражении увидел голубое небо за окном.

— А вместе с этим сельскохозяйственные угодья годами остаются неорошаемыми, по всему югу вспыхивают вооруженные восстания. Ли Цзяньхун управляет своими войсками с чудесным мастерством, это точно, но у нас кончились провизия и фураж, кончились и солдаты, которых мы можем отправить на передовую.

Чжао Куй встал и сказал Лан Цзюнься:

— Он родился не в ту эпоху, поэтому должен умереть.

— Тебе не нужно было говорить мне об этом, — беззаботно ответил Лан Цзюнься. — Для убийцы существуют только приказы, а не люди. Даже если бы ты меня вылечил, я бы не почувствовал никакой благодарности.

Чжао Куй сразу же ответил:

— Я не намерен вербовать тебя. Как только твои раны заживут, ты сможешь уйти.

У Ду, не задумываясь, добавил:

— Если ты хочешь вернуться и убить генерала, то всегда пожалуйста. Каждый из нас полагается на свои навыки.

Лан Цзюнься молчал.

— Но прежде, чем ты покинешь это место, — сказал Чжао Куй, — я хотел бы попросить тебя встретиться кое с кем.

Между бровей Лан Цзюнься появилась небольшая морщина.

— Иди сюда.

Чжао Куй привел Лан Цзюнься в главный зал генеральского поместья. Внутри сидела пожилая женщина и пила чай с маслом*.

* В оригинале говорится о йогуртовом чае, а это не так. Йогуртовый чай — это ошибка в написании масляного чая, который на самом деле пили, вероятно, сянбэйцы — их империя находилась в восточных евразийских степях.

Лан Цзюнься молча уставился на нее.

— Я слышал, что ты и девушка из семьи Фэйлянь* были когда-то помолвлены, — сказал Чжао Куй.

* Фэйлянь были ветвью Тоба, императоров династии Северной Вэй, и как Фэйлянь, так и Тоба восходили к фамилиям Сянбэй.

Лан Цзюнься не ответил ему. Вместо этого он что-то сказал на сянбэйском языке. Глаза женщины стали мутными от возраста, и она поспешно опустила чашку с чаем, чтобы дотянуться до него. Лан Цзюнься быстрыми шагами зашел внутрь и взял ее руку своей левой ладонью, пряча правую с отсутствующим пальцем за спину. Он опустился на одно колено и прикоснулся лбом к тыльной стороне ее руки.

Старушка начала смеяться и что-то ответила Лан Цзюнься, а тот сделал глубокий вдох и больше ничего не сказал. Он похлопал ее по руке, чтобы успокоить.

Чжао Куй произнес:

— Ты можешь провести с ней время, предавшись воспоминаниям.

Его подчиненный закрыл дверь, и Чжао Куй ушел, не беспокоясь больше о Лан Цзюнься. Скрестив руки, У Ду шел позади него, повторяя его шаги.

— Сколько ей осталось? — спросил Чжао Куй.

— Не больше четверти часа. К тому времени, как мы вернемся, этот парень заколотит старуху до смерти, а сам уже уйдет, — ответил У Ду.

Чжао Куй засмеялся, качая головой.

— Скорее всего, нет.

— Тот, кто убил людей из своей школы, наверняка не станет цепляться за эту старую привязанность.

— Исходя из того, что мне рассказали теньевые стражи, — ответил Чжао Куй, глядя на небо

перед террасой, — я послал за ним людей через горы Сянбэй и навел справки в нескольких деревнях. В итоге они обнаружили, что перед могилой девушки, с которой у него когда-то была помолвка, кто-то положил пучок цветов, которые росли только на высоких скалах.

— Улохоу Му. Кто бы мог подумать, что он окажется потомком правящего рода, — закончил Чжао Куй, кивнул, и когда он развернулся, чтобы уйти, трудно было сказать, чего в его тоне было больше — изумления или сожаления.

<http://bllate.org/book/15657/1400640>